

А н д р е й Ш у в а л

ОТВЕРЖЕННЫЕ

Святые, Не святые

Книга первая
Искупление

18+

Андрей Шувал

**Отверженные. Святые
не святые. Книга первая.
Искупление (сокращенная версия)**

«Автор»

2026

Шувал А.

Отверженные. Святые не святые. Книга первая. Искупление
(сокращенная версия) / А. Шувал — «Автор», 2026

Этот сокращенная версия романа на реальных событиях! Истории судеб людей! "От сумы и тюрьмы не зарекайся!" Люди, которые, ошиблись преступили закон! Получили большие сроки заключения в тюрьме. Им предоставлен выбор сидеть весь срок или идти на войну и кровью искупить вину. Рискнуть жизнью, единственной, погибнуть или возможно Непродуманные истории героизма людей на войне, предательство, боль, дружба, любовь в тяжёлых условиях. Этот роман про русского героя, солдата России. Не только искупил и спас десятки жизней, и нашу свободу. А. Шувал.

Андрей Шувал
Отверженные. Святые не святые. Книга
первая. Искупление (сокращенная версия)

Глава 1

Андрей Шувал

Я знаю Россия задышит
Россия воспрянет,
От мук и страданий
От полчищ гнетущих.
И зла в основание.

Они не святые?
А может святые?
Они не другие
Всего лишь солдаты
России спасенье!
Андрей Шувал
“Отверженные: Святые не святые!”

Этот роман на реальных событиях! Истории судеб людей! "От сумы и тюрьмы не зарекайся!" Люди, которые, ошиблись преступили закон! Получили большие сроки заключения в тюрьме. Им предоставлен выбор сидеть весь срок или идти на войну и кровью искупить вину. Рискнуть жизнью, единственной, погибнуть или возможно

Непридуманные истории героизма людей на войне, предательство, боль, дружба, любовь в тяжёлых условиях. Этот роман про русского героя, солдата России. Не только искупил и спас десятки жизней, и нашу свободу.

10.10.2023

А. Шувал

«Отверженные: Святые не святые»

Глава I

... не святые.

— "Стамбул", "Стамбул" — приём, эвакуация, справа жмут!
— "Москвич" трёхсотый, две двухсотые!
— "Не вывезет" — нужна помощь!
— "Граф" — кто ранен?
— "Стамбул" — приём. "Москвич" ранен, взрыв — я видел, он упал, не вижу его, но очередями левый фланг поливает, значит живой чертяка — они же бессмертный!
— "Терех" и "Маха" — всё!!
— Эх, дед! Жалко
— Они с "Махой" закрывали фланг, снайпер снял, а "Маха" глупо побежал помогать, ну он и второго положил!
В церкви засел сволочь!
— Эх, старый зек! как так?
— Не зек, слышишь, зек раньше был, а здесь герой, слышишь герой!
— Да, слышу!
— Я понял, так нахлынуло!
— Лагерь, шконка, каша, эээх!
— Отставить сопли!
— Держитесь! делаем что можем
— Отбой!
— "Малой" бери гранату, видишь те развалины ползи туда!
— Прикрой меня, я к "Москвичу"!
— Не вывезет!
— Деда нужно забрать 2 года с ним по лагерям, вшей кормили!
— У него внук родился!
Малой опустил голову слёзы стекли по небритой щеке.
— Послушай сынок! да внук родился, я видел радовался как ребёнок! но пойми, мы выбирали этот путь! сами!

- Сидеть в лагерях годами, жопу греть?
- Кровью, слышишь, именно кровью страну защищать, "Россию" "матушку".
- Докажем, что мы мужчины!
- Ты не зек!
- Ты русский солдат!
- Ты мать его герой!
- И "Дед" герой!
- А внук гордится будет всю жизнь.
- Иди сынок, и не высовывайся!
- Осторожно снайпер на двенадцать, там возле водонапорной башни в разрушенной церкви!
- Ты закрыт домом, а я на ладони.
- Нужно пробиться к "Москвичу"
- Я рвану, а ты поливай по башне, чтоб не высунулся!
- Понял! командир!
- Но я хочу, чтоб вы понимали, я же не крал, подставили и 4 года влили! Не за что!
- Не ной! говорю! что было то было, тюрьма! в прошлом!
- Так докажи!
- Что мы, мы...
- Я понял "Граф" мы лучшие!
- Я обещал девушке, с медалями прийти!
- Женюсь на ней!
- Не бросила! когда срок дали!
- Прикинь, любит!
- Завидую "Малой"!
- На свадьбе погуляем!
- Пригласишь?
- Только не высовывайся из-за дома! Смотри "Москвич" затих нужно к нему, он ранен!
- Всё понял, пошёл.
- Взрывы, беспорядочно покрыли позиции, работала артиллерия не прицельно.
- Им нужно освободить дорогу на прорыв в деревню, где оставались люди, и склад боеприпасов.
- "Стамбул" приём, приём!
- Это "Граф" приём как слышно?
- Да, "Граф" слышу, как вы?
- Держимся, зачищаем пока!
- Слушай "Стамбул" лесополоса на двенадцать и развалины церкви рядом водонапорная башня!
- Там снайпер, что двоих положил и корректирует удары, и бэтэр лупит по дороге, "Москвич" держит левый фланг, не даёт им высунуться!
- Они не должны на дорогу выйти, нельзя их пустить!
- "Граф" слышишь? там люди, невооружённые!
- Дети и женщины! не успел вчера вывезти!
- Я понял "Стамбул", я сейчас пробиваюсь к "Москвичу", он ранен и закреплюсь там!
- Мы их не пустим! Двоем мы сила!
- Понял как "Малой"?
- Нормально, отослал его за дом, прикрывать меня!
- Там слепая зона! снайпер его не видит, нужно его спасти, лезет на рожон!
- "Граф" не понял, вас же мало?

- Зачем отослал бойца? приём!
- У него невеста беременна! Я ему не сказал!
- Перед боем сообщили!
- Понял! — приём!
- "Граф" сами не высывайтесь, продержитесь 40 мин. Вас двое ты и "Москвич"!
- Да, мы вдвоём армии стоим, ха! и больше даже!
- Если бы не ранение "Москвича" бы их покрошил!
- "Граф" короче новости. Не очень.
- "Птичка" показала их около тридцати человек, двигаются с востока и 2 БТРа! —

приём.

- Разве это много?
- Помнишь 60 человек на заводе засели, мы с "Москвичом" и дедом их уработали!
- Им "Тигр" на помощь идёт!
- Это уже серьёзно, ладно придумал что-нибудь.
- Спасибо "Стамбул" — приём.
- "Граф" старайтесь отойти.
- Некуда! брат! деревня сзади 1 км!
- Главная дорога слышишь?
- Понял сделаем — отбой Стамбул.
- А главное снайпера накройте артой, жизни не даёт! За деда отомстим!
- Накроем, давай координаты!
- Всё конец связи. 65
- Добегу или нет?

Снайпер выслеживает, знает, что я к раненому пойду!

- Месяц за ним, охотимся!

12 человек за два дня, положил, мысли не давали сконцентрироваться.

Взрывы усиливались, арта била не прицельно, в башню не попадала, но снайпер затих.

- Хо, малой, поливают по башне!
- Чертёнок раскусил меня что в слепую зону попал!
- Залез на крышу и лупит!
- Всё время, пора!

Приказал я себе, посмотрел по сторонам, скинул бронник и защиту, чтоб бежать легче, всё равно от прямого выстрела не спасёт, а так как заяц добегу.

Отче наш Иже еси на небесех...

Я перекрестил себя три раза, поднял голову, Боже такой день необычно светлый и тёплый, солнце как не специально выглядывало из-за деревьев и ласкало лучами, может такой день быть последним, какой прекрасный день.

- Здорово "Москвич" как ты?

Я кубарем ввалился в окоп, точнее в воронку от взрыва, где лежал "Москвич" и перевязывал ногу.

- А, я думал, где мой брат, "Граф".
- Долго что-то?
- Задержался брат, "Малого" за дом отослал!
- Ага, он уже вон на крыше сидит бьёт по башне! он, смыслённый такой.

Помнишь, как он не послушал приказа, обошёл дом и с тылу зашел и практически нас спас.

Троих снял, а мы их не видели!

- Да, он красавчик!
- Ну у него сын будет, нужно спасти его, и на свадьбе погуляем!

— Да, ладно! вон эта новость.
И здесь погуляем! мне прислали виски!
— Эх малой везде поспел!
— Сохрани его для невесты.
— Обещаю.
— "Москвич" новости не очень!
— 30 человек, 2-а БТРа и "Тигр" на подходе.
— Ого! Это серьёзно!

"Москвич" опустил голову, и чесал судорожно затылок.
— Надо думать!
— А арта поддержит.
— Да! но бьёт не прицельно
— Ясно!
— Снайпера снять надо! мешает!
— "Деда" завалил и "Маху".
— Знаю, светлая память.
— Я с ним на Воркуте чалился.
Мировой мужик.

Глава II

Двое

— Надо думать... — тихо сказал «Москвич».
Он не смотрел на меня. Смотрел туда, где за дымом угадывалась дорога.
— Арта их не остановит, — продолжил он. — Бьют по площади. А они идут.
Где-то справа загудело. Тяжёлый, низкий звук.
Не наш.
— БТР, — сказал я.
Москвич на секунду выглянул
— Один уже близко.
Секунду мы молчали.
В такие секунды время растягивается. Слышно, как дышишь. Слышно, как кровь в висках стучит. И почему-то особенно ясно слышно, как ветер трёт обломки шифера о кирпич.
— «Малой»! — крикнул я в рацию. — Как видимость?
— Вижу пыль... техника на подъезде... метров семьсот... — голос дрожал, но держался.
— По башне поливаю, снайпер молчит!
Молчит.
Это хуже всего.
Когда он стреляет — понятно.
Когда молчит — значит ждёт.
Я выглянул из воронки на долю секунды. Дорога серой лентой тянулась к деревне. Мокрая, разбитая. И по ней, как по жилам, уже шла тяжёлая машина.
— Слушай, — сказал «Москвич», — если зайдут к дороге, людей не вытащим.
Я кивнул.
Вдалеке, за низкими домами, тонкой струйкой поднимался дым. Там были они. Женщины. Дети. Вчера не успели.
Вчера казалось — успеем.
— Сколько у тебя? — спросил я.
— Две «мухи». И магазинов три.

— У меня одна.

Он усмехнулся.

— Да уж.....Армия.

Где-то сверху свистнуло. Пуля ударила в край воронки, осыпав нас глиной.

Снайпер.

Не случайно. Он проверял.

— Видит нас, — тихо сказал «Москвич».

Я сжал зубы.

Он играл.

Сначала «Маха».

Потом «Дед».

Теперь — пауза.

Он ломал не тела. Он ломал изнутри.

Вселял страх, - я вас вижу ...

Он играл игру, игру понятную только ему.

— «Малой», не высовывайся! — сказал я. — Он жив.

— Понял...

В этот момент с правого фланга раздалась очередь. Короткая. Сухая. И сразу — крик.

— «Орёл»! — прошипел «Москвич».

Я выглянул — на секунду. Этого хватило.

«Орёл» лежал на боку, странно согнувшись. Рядом — его автомат. Он даже не стрелял.

Пуля вошла точно в глаз.

Работа мастера — это он.

Ещё утром он рассказывал, что выйдет — откроет шиномонтаж.

Дочь в школу пойдёт. Он ей рюкзак купит, розовый, с котёнком.

Он говорил об этом спокойно, как о чем-то неизбежном.

— Я не по этой жизни, — говорил он. — Я просто ошибся.

Теперь он лежал в грязи. И никакого рюкзака.

— Сука... — прошептал «Малой» в эфире.

— Отставить, — сказал я.

Но сам чувствовал, как внутри что-то холодеет.

Снайпер не торопился. Он ждал реакции.

— «Малой», смени позицию. Медленно. Через чердак.

— Понял.

Всем успокоится, полная концентрация, - не высовываемся.

БТР был уже ближе. Слышно стало скрежет гусениц по битому асфальту.

— Слушай, — тихо сказал «Москвич», — если он меня снимет, ты отходи.

— Не говори ерунды.

— Я серьёзно. Ты командир.

— Мы вдвоём армии стоим- хотел сказать я.

Он посмотрел на меня, серьезным но немного беспокойным взглядом.

— Я не про это.

Его лицо было спокойным. Почти светлым. Как будто в этот момент он был не здесь, а где-то далеко.

— У тебя кто-то есть? — спросил он вдруг.

Я не понял.

— Там. Дома.

Я покачал головой.
Он кивнул.
— У меня есть.
И замолчал.
Я хотел спросить. Но в этот момент БТР выкатился из-за поворота.
Серый, с грязными бортами. Башня медленно повернулась в нашу сторону.
— Ложись! — крикнул я.
Выстрел как раскат грома прогремел в воздухе.
Разрыв. Земля встала стеной. В ушах зазвенело.
Я попытался подняться и привстал на калено — и в этот момент что-то резко ударило в грудь.
Как молотком.
Я упал на спину.
Воздух исчез.
Небо — яркое, нереально синее — оказалось прямо надо мной.
«Вот и всё», — мелькнуло в голове.
Но боли не было. Только тяжесть.
— «Граф»! — голос «Москвича» где-то рядом, прозвучал приглушенно .
Я попытался вдохнуть. Получилось. С хрипом.
Рука нащупала грудь.
Бронепластина треснула.
— Живой? — склонился надо мной «Москвич».
Я кивнул.
В рубашке родился , пуля прошла в миллиметре от сердца.
Я кивнул и прикрыл глаза.
Он посмотрел вверх. Туда, где в разрушенной церкви пряталась Тень. Того кто решает — убить или ранить — а потом добить .
— Видишь? — тихо сказал он. — Он знает он хочет игры
БТР снова дал очередь.
— Поднимайся, — сказал я. — Не сегодня.
Я перевернулся на бок, схватил «муху», выкатился из воронки и почти вслепую нажал спуск.
Вспышка. Удар.
Ракета ушла по дуге и ударила в борт машины.
Вспышка ,глухой взрыв. Чёрный дым повалил из машины
БТР встал.
— Есть! — заорал «Малой».
Но радости не было.
Потому что снайпер всё ещё был там , пока молчал ,выжидал
И это значило — он ещё здесь.
И игра только началась.

Второй разрыв ударил ближе.
Земля пошла волной. БТР стоял не подвижно , но стрелять мог. Меня прижало к стенке воронки. В ушах — зазвенело.
— «Граф»! — кто-то тряс меня за плечо.
Я открыл глаза. Небо всё так же синее. Неправильное какое-то небо для войны.
— Держись... — «Москвич» прижимал меня к земле. — Сейчас я ...

Он высунулся на секунду. Слишком длинную секунду.
Щёлк.
Не громко. Почти сухо.
Я увидел, как его голову дёрнуло в сторону. Он не упал. Только сел ниже.
— Живой? — прохрипел я.
— Каску зацепил... — выдохнул он. — Работает...
Снайпер продолжал игру. Как в тире по фигуркам.
Сначала ранит. Потом ждёт, кто полезет. Помогать.
— «Малой», дым есть? — сказал я.
— Есть! Кидаю! В его сторону полетел предмет потом еще .
Слева потянуло серым дымом , ветер дергал его из стороны в сторону разрывая на ласкуты.
— Отходим к сараям! — крикнул я.
Мы почти ползли. Земля была мокрой, холодной. Пахло гарью и сырой глиной.
В какой-то момент я перестал чувствовать левую руку. Просто не слушалась.
— Терпи, — сказал «Москвич».
Он тащил меня за разгрузку, хотя сам был ранен.
Сараи были разбитые, перекошенные. За ними — низкая посадка.
Там нас подобрала группа эвакуации.
Я уже плохо понимал, что происходит.
Крики. Мат. Кто-то бинтует. Кто-то стреляет.
Снайпер снова выстрелил.
Кто-то вскрикнул, еще один упал замертво.
Потом — темнота.
Сознание возвращалось медленно.
Сначала — звук. Металл о металл. Скрежет ворот.
Потом — холод.
Не фронтовой холод , ругой , сухой неприятный.
Я открыл глаза.
Надо мной — небо. Серое. Без солнца.
Вместо гари — запах угля и дешёвого табака.
Вместо разрывов — лай собак. Я моргнул перед глазами вышка.
Чёрная, деревянная, с прожектором. светил прожектор , виднелся силуэт человека с оружием.
Колючая проволока.
Ветер гнал по плацу сухую пыль. Я лежал не в госпитале.
Я лежал на лавочке в прогулочном дворике.
— Вставай, интеллигент, проверка! — голос хриплый и знакомый.
Я повернул голову.
Дед стоял у прохода, в ватнике, с кружкой в руке и самокруткой в зубах от которой валил белый дым.
— Чего смотришь, как на икону? — усмехнулся он. — На воле не нагляделся?
Я медленно сел , сознание вернулось но меня это радовало.
Тело цело , никакой бронепластины, никакой крови.
Только лагерная роба и номер на груди.
В бараке пахло сыростью, потом и варёной перловкой.
За окном — степь. Серая, плоская, без конца и края.
— Подъём, — повторил Дед. — Сегодня шмон обещали общелагерный “маски” приедут.
Я провёл рукой по груди.

Никакой дыры рука не болит.

Но внутри — пусто.

— Опять сон? — спросил он тихо.

Дед посмотрел внимательно.

— Привыкай, — сказал он. — Тут всё как сон. Только длинный.

Сон последнее время мучил меня , с постоянной интенсивностью и сюжет почти на менялся.

Это не то что бы пугало но сильно озадачивало , как кино только которое повторяется

Мы стояли на плацу , в три шеренги , строго по баракам. Все молчали , только шоркались ботинками и переменялись с место на место

Ветер резал лицо холодный неприятный.

На вышке — силуэт охранника . видно было что он ходит из стороны в стороны .

Интересно лет за 20 он видел , что кто нибудь бежал или собирался – думаю нет.

Где-то вдалеке лязгнул засов и “забрехали” собаки.

Я посмотрел на небо.

Оно было низким, тяжёлым , без просвета.

Не то, что там... под деревней.

— Эй, Граф, — шепнул Малой, стоя справа. — Слышал? В четвёртом отряде вчера одного повесили.

— Сам?- я повернул голову к Малому .

— Кто ж его знает.

Я посмотрел вперёд.

Москвич стоял в первом ряду , неподвижный. Как будто всегда здесь стоял.

Тогда он ещё не был «Москвичом». Просто Сергей.

Мы ещё не знали, что однажды будем держать дорогу вдвоём.

Тогда у нас был только срок.

И выбор, о котором мы ещё не догадывались.

— По баракам! — рявкнул конвой.

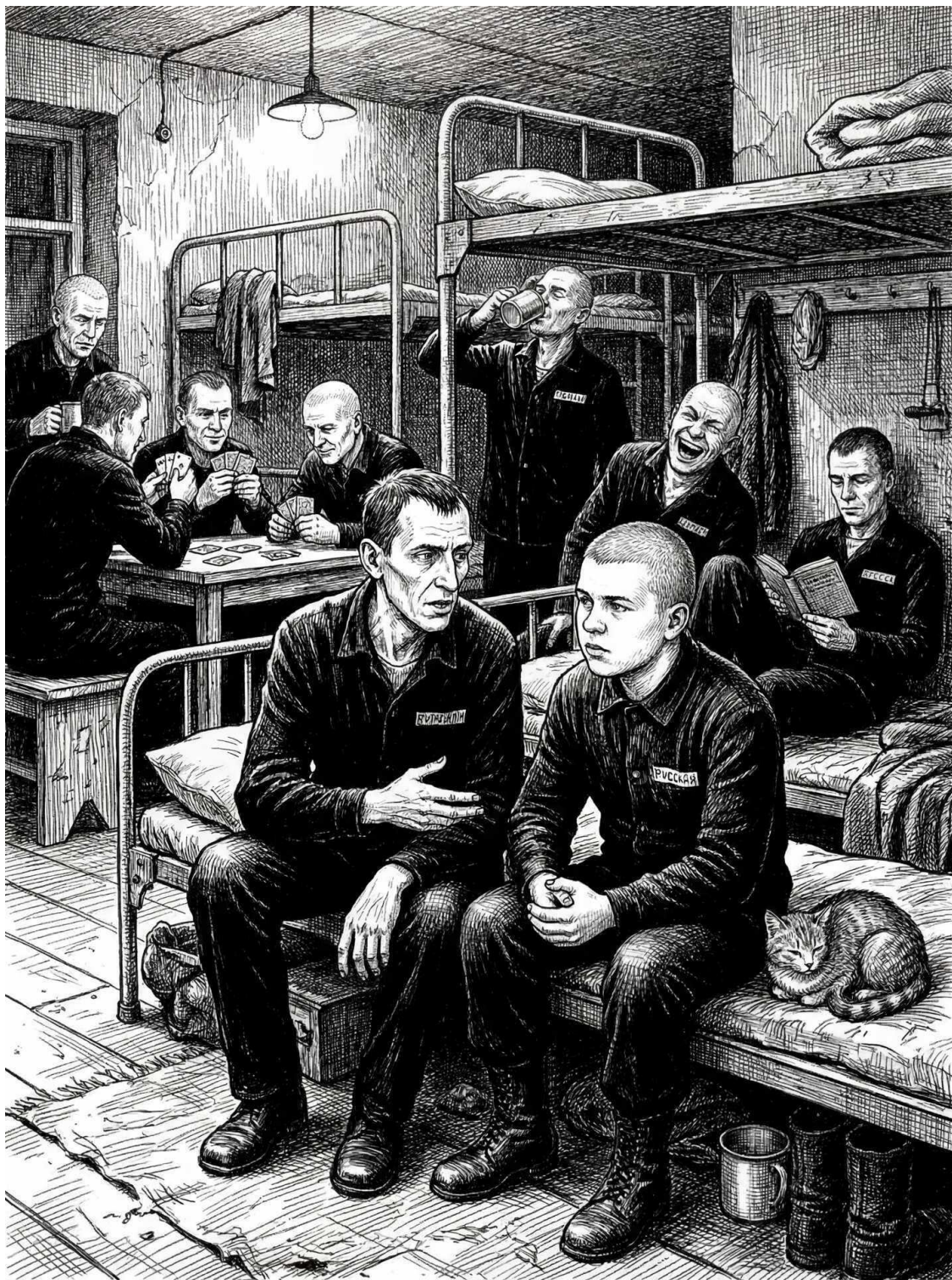
Просчет закончен – быстрее двигайте окорочками и строем , т с нескрываемым удовольствием , так как в бараке ждал горячий чифир и сигарета .

Я шёл и думал:

Что страшнее — пуля, которая прилетает мгновенно...

Или годы, которые выжигают медленно?

В бараке было шумно как в улье , кто-то смеялся, кто-то ругался, некоторые сели за игру , “игровые” – это определенная каста , играли днем и ночью , завлекая все новых игроков и конечно обдирая их как “липку” .

Обычно в этой касте были сидельцы у которых за плечами были десятки лет в тюрьме. “Каталы”, кто им проигрывал – а проигрывал наверняка, тем давали три дня расплатиться.

Не отдашь били, и били каждый день пока не погасишь долг.

Кто то штопал носки, кто-то просто лежал, глядя в потолок.

Лампочка под потолком качалась от сквазняка и давала желтый “больной” свет.

На нижней шконке сидел Паша , спина была прямая , руки лежали на коленях, он глядел в точку , немного подергивая пальцами. Худой, с синяком под глазом.

Мне его было немного жалко , как я понял из его уголовного дела , что он дал мне почитать .

В пьяной драке после его день рождения , сцепились с кем-то в баре.

Когда включили свет , на полу лежал труп, позже выяснилось что кто то пырнул ножом.

Менты решили сильно не заморачиваться и сделали из него козла отпущения и осудили его на 8 лет строго режима . Паша был на вид лет 18 , хотя ему стукнуло 27 . очки нелепые и прическа на бок , такой- отличник.

Он был айтишником , компью терный гений , Было у него очень неудобное для тюрьмы – прималинейность в характере- такой правдолюб , который верит в справедливость . Ну типо добро должно в любом случае победить, , а зло обязательно накажут.

— Решил значит ? —тихо спросил Дед проходя мимо.

Паша усмехнулся . – решил- ответил Паша.

— Просто не хочу платить за чужое.

- Дурак.

Может быть – Паша опустил голову .

В бараке стало тише, все сделали вид что их это не касается , но все знали о чем речь .

Кто-то отвернулся.

Кто-то сделал вид, что не слышит.

Общак, - неофициальная “каса” , плотить должны все , даже те у кого ничего не осталось .

- Паша плотить отказался .

- Я свое уже отдал – сказал он днем , и государству и вам , больше ничего нет

- Это уже было не геройство – это было усталость .

В зоне усталость опаснее бунта , не знаешь , что ждать от человека который выгорает изнутри , и ни видит выхода .

Я посмотрел на Москвича.

Он поднял глаза.

И в этот момент я впервые понял — сидеть здесь до конца срока я не смогу.

Но тогда я ещё не знал, что выбор придёт быстрее, чем кажется.

Вечером барак жил своей жизнью.

Кто-то играл в домино.

Кто-то штопал носки.

Ночью его вызвали.

Дверь барака открылась тихо.

— Паша, на выход.

Он встал спокойно , как будто ждал, посмотрел на нас.

На секунду наши взгляды встретились.

Не было в них ни страха, ни просьбы.

Только твёрдость.

Я отвёл глаза.

Не из-за трусости.

Из-за понимания, что, если встану — всё изменится.

Москвич сидел напротив. Он не отвёл взгляд.

Дверь закрылась.

Минут через двадцать за стеной слышались глухие удары , крика не было , просто звук тела ударяющее об что то твердое , а потом еще несколько раз.

Малой сжал кулаки.

— Сидим, — тихо сказал Дед.

Я чувствовал, как внутри поднимается горячая волна.

Это не фронт, не война, здесь нет артиллерии, здесь нет врага с другой стороны, здесь свои- но какие то другие чужие- другие.

И никто не стреляет — но убивают медленнее, психологически, морально.

Удары прекратились. дверь открылась, Пашу бросили на проход.

Он дышал, тяжело, кровь стекала с губ, на голове был кровоподтек.

— Передумал? — спросил один из «смотрящих».

Паша сплюнул под ноги стоящему перед ним.

— Нет.

- Прохор был старый зек, из бывших спортсменов, говорят на воле состоял в ОПГ, человек у которого моральные ценности потухли очень давно. Жалости и сострадания для него были слова не знакомые.

И в этот момент Москвич встал.

Просто встал.

Без слов.

Тишина стала плотной.

— Сядь, — тихо сказал Дед.

Москвич не сел.

Я тоже поднялся.

Сердце колотилось так, что казалось, его слышит весь барак.

Малой секунду колебался.

Потом встал рядом.

Нас было трое.

Против пятерых.

Не драка — предупреждение.

— Думаете, вы тут праведники? — усмехнулся один из них.

— Нет, — сказал Москвич спокойно. — Просто не скот.

Первый удар пришёлся мне в плечо.

Второй — в живот.

Кто-то схватил меня за ворот.

Я ударил в ответ. Неумело, но со злостью.

Барак зашевелился.

Кто-то встал. Кто-то отошёл.

Дед не двигался.

Он смотрел.

Драка длилась минуту. Может меньше.

Нас растащили.

Конвой ворвался с матом и дубинками.

Всех лицом в пол.

Пашу утащили в санчасть.

Ночью барак молчал.

Только ветер бил в окна.

Под утро его нашли.

В умывальнике.

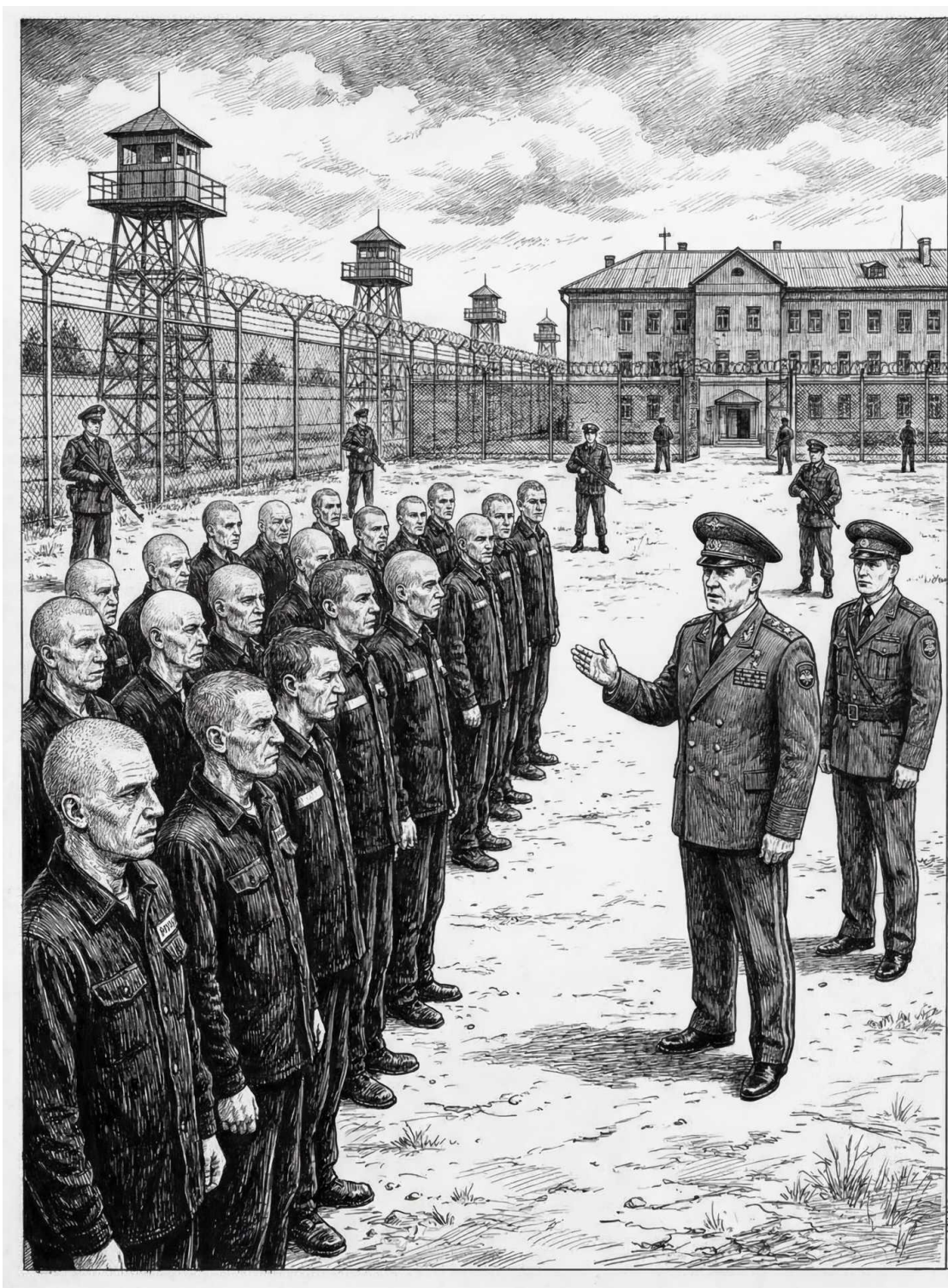
Повешенным на простыне.

Официально — «сам».

Я смотрел на его босые ноги, едва касающиеся пола.

И понимал — это не пуля.
Это хуже.
Пуля честнее.
Она не притворяется.
Малой сидел на шконке и трясся.
— Он же просто не хотел платить... — прошептал он.
Москвич молчал.
Я подошёл к окну.
За проволокой тянулась степь. Пустая. Равнодушная.
— Вот так и сгниём, — тихо сказал Малой. — По одному.
И тогда впервые прозвучало то, что висело в воздухе последние недели.
— Говорят, набор идёт, — произнёс кто-то с дальнего конца барака. — На войну.
Тишина.
— За деньги, — добавил другой.
— И срок снимают, — сказал третий.
Я повернулся к Москвичу.
Он смотрел в пол.
— Лучше пуля, чем это, — сказал он тихо.
Это не было бравадой.
Это было решение.
В тот момент я понял:
Сидеть — значит умереть медленно.
И если выбирать — то самому.
Иначе за тебя выберут.
Продолжаем.

Через три дня нас построили на плацу.
Без предупреждения.
Без объяснений.
Мороз прихватил землю. Пыль стала твёрдой коркой. Небо — низкое, свинцовое.
Мы стояли молча.
Вышки. Проволока. Охрана.
И вдруг — непривычный звук.
Не лай собак.
Не крик конвоира.
Двигатель.
На территорию въехал чёрный микроавтобус.
Не тюремный.
Слишком чистый.
Дверь открылась.
Вышел мужчина в форме. Без суеты. Без крика.
Генерал — это чувствовалось сразу.
Не по звёздам.
По тому, как смотрел.
Не сверху вниз.
Сквозь.
Начальник колонии шёл рядом, мелко кивая.
Нас выстроили плотнее.
Генерал прошёл вдоль строя.

Останавливался. Смотрел в лица.
Не спешил.
Когда он встал перед нами, ветер ударил сильнее.
— Осуждённые, — сказал он спокойно. Без микрофона. Но слышали все. — У вас есть
выбор.
Слово повисло в воздухе.
Выбор.
В зоне его почти не бывает.

— Продолжаете отбывать срок. По закону. До конца.
Или...
Он сделал паузу.
— Идёте добровольцами в зону боевых действий.
Никто не шелохнулся.
— Контракт. Шесть месяцев.
Денежное довольствие.
Амнистия по окончании.
Шёпот прошёл по строю.
— Риск высокий, — добавил он. — Иллюзий не строю. Там стреляют.
Сзади кто-то хмыкнул.
— А здесь нет? — прошептал Малой.
Генерал продолжал:
— Я никого не заставляю.
Подписывают только добровольно.
Кто не хочет — остаётся.
Он посмотрел прямо на нас. На наш барак.
— Но запомните.
Там вы будете не «зэками».
Там вы будете солдатами.
Слово «солдат» прозвучало непривычно.
Как будто не про нас.
Я посмотрел на Москвича.
Он стоял спокойно.
Как будто уже всё решил.
— Вопросы есть? — спросил генерал.
— А если не вернёмся? — крикнул кто-то.
— Тогда не вернётесь, — ответил он. — Но это будет ваш выбор.
Не пафосно.
Без обещаний.
Честно.
— Подумайте до вечера, — сказал он. — Списки будут в штабе.
Он развернулся и пошёл к машине.
Плац снова стал обычным.
Только воздух изменился.
В бараке загудело.
— Это развод, — сказал один.
— Мясо ищут, — сказал другой.
— Лучше уж здесь, — буркнул третий.
Малой сидел на краю шконки.
— А если правда снимут срок? — тихо спросил он.
— А если нет? — ответил кто-то.
Я молчал.
Перед глазами — Паша.
Босые ноги.
Верёвка.
— Здесь мы уже не живём, — сказал вдруг Москвич.
Все посмотрели на него.
— Мы просто ждём.

— А там? — спросил я.
Он посмотрел на меня.
— Там хотя бы ясно.
Тишина.
— Я пойду, — сказал он.
Просто.
Без громкости.
И встал.
Подошёл к столу. Взял ручку. Написал фамилию.
Первый.
Я смотрел на его спину.
И понимал: если сейчас останусь — всю жизнь буду помнить этот момент.
Малой поднялся вторым.
Руки у него дрожали.
— У меня сын будет, — сказал он тихо. — Я хочу, чтоб он знал...
Он не договорил.
Я взял ручку третьим.
Подпись вышла неровной.
В углу барака сидел Лёха.
Он опустил голову.
— Я не пойду, — сказал он. — Я боюсь.
Никто не засмеялся.
Это была честность.
Через пару коек сидел Костыль.
Он смотрел на нас внимательно.
— Я посмотрю, — сказал он уклончиво.
Я запомнил этот взгляд.
Не страх.
Расчёт.
Вечером список был готов.
Двадцать три человека.
Остальные остались.
Когда нас выводили из зоны через ворота, я обернулся.
Проволока тянулась вдоль горизонта.
Серое небо.
Вышка.
Кто-то остался там.
Кто-то сделал выбор.
И в тот момент я понял:
Искупление начинается не с подвига.
Оно начинается с подписи.

Глава III

Дорога

Нас везли ночью.
Без наручников.
Без крика.
Просто — в автобусе.
Это было странно.

Окна занавешены. Внутри пахло соляжкой и мокрой одеждой.
Никто не шутил.
Никто не пел.
Каждый сидел отдельно, даже если плечи соприкасались.
Малой уставился в стекло.
— Думаешь, нас правда отпустят потом? — спросил он тихо.
— Если выживем, — ответил Дед.
Москвич молчал.
Я смотрел на его руки.
Спокойные. Не дрожат.
Автобус остановился на рассвете.
Дверь открылась.
Свежий воздух ударил в лицо.
Лес.
Настоящий лес.
Сосны. Влажная земля. Туман между стволами.
Никакой проволоки.
Никаких вышек.
— Выходи! — крикнул уже не конвой, а сержант в форме.
Мы вышли.
Перед нами — старые казармы. Плац. Навесы для техники.
Учебка.
— Строиться! — рявкнул сержант.
Голос жёсткий. Но другой. Не лагерный.
Мы выстроились неровно.
— С этого момента вы — добровольцы.
Сроки ваши меня не интересуют.
Кто был кем — тоже.
Он прошёл вдоль строя.
— Но, если кто-то думает, что война — это кино, можете прямо сейчас развернуться.
Никто не развернулся.
— Тогда слушайте сюда.
Вас будут учить быстро.
Потому что времени нет.
Он остановился перед Малым.
— Сколько лет?
— Двадцать три.
— Стрелял?
— В тире.
Сержант усмехнулся.
— Тут не тир.

Первый день — строевая, оружие, нормативы.
Мы держали автоматы так, будто они чужие.
Они и были чужими.
Инструкторы смотрели холодно.
Не как на преступников.
Как на мясо.
— Разобрать! — командовал сержант.
Руки путались.
Пальцы не слушались.
— Быстрее!
На фронте никто ждать не будет!
К вечеру пальцы гудели.
Плечи болели.
Но в этом было что-то настоящее.
Никто не шептал за спиной.
Никто не требовал «общак».
Здесь всё было проще.
Либо умеешь.
Либо нет.

Через неделю нас вывели на стрельбище.
Мокрая трава. Глина под ногами.
— Пристрелка! — крикнул инструктор.
Я лёг в грязь.
Приклад к плечу.
Вдох.
Выдох.
Выстрел.
Отдача ударила в ключицу.
Гильза звякнула о землю.
— Ниже бери! — рявкнул сержант.
Я поправил.
Снова выстрел.
Попал.
Небольшая точка в мишени.
Малой стрелял рядом.
После третьего выстрела он тихо выругался.
— Не туда уходит.
— Спокойнее, — сказал Москвич.
Он стрелял без суеты.
Каждый выстрел — как один.
Инструктор подошёл к нему.
Посмотрел на мишень.
Кивнул.
— Служил?
— Да.
Больше ничего.
Вечером в казарме было тихо.

Усталость накрывала быстро.
Но в темноте разговоры всё равно начинались.
— Говорят, на соседнем участке снайпер работает, — сказал кто-то.
— И что?
— Снимает с одного выстрела. В глаз.
Я посмотрел на Москвича.
Он не отреагировал.
— Снайпер — это как бог, — сказал Дед. — Ты его не видишь. А он тебя — да.
— Да ну тебя, — буркнул Малой.
Но уснуть ему было трудно.
Я лежал на койке и смотрел в потолок.
Без проволоки.
Без вышек.
Но с пониманием, что впереди — не меньше.
— Боишься? — тихо спросил я у Москвича.
Он ответил не сразу.
— Да.
Честно.
— Но здесь хотя бы понятно за что.
Я закрыл глаза.
В голове всплыло лицо Паши.
Потом — плац.
Потом — подпись.
Выбор уже сделан.
Назад дороги не было.

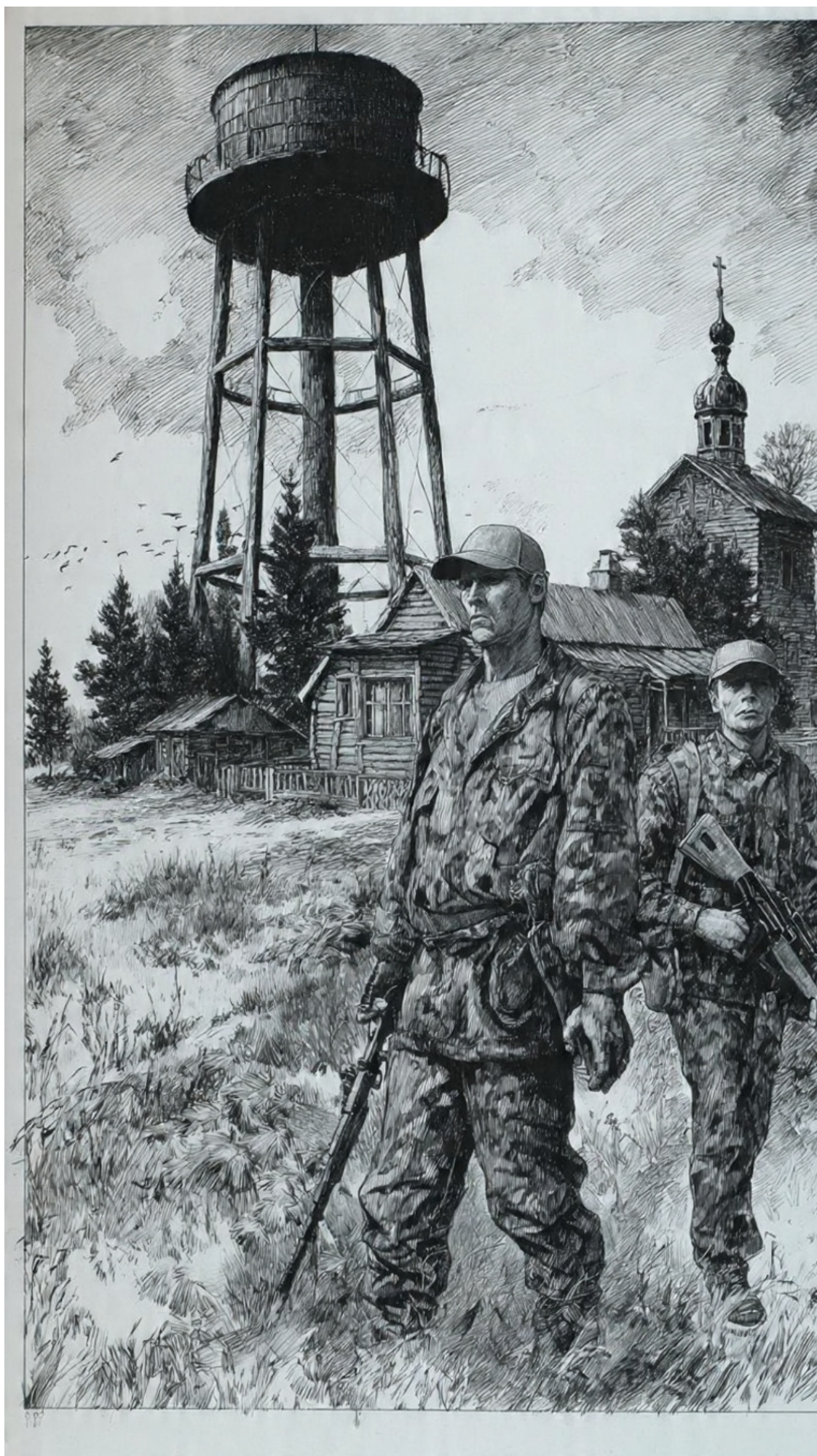
Через месяц нас построили.
— Завтра — выезд, — сказал сержант.
Тишина.
Никто не улыбнулся.
Никто не спросил «куда».
Мы знали.
Ночь перед отправкой была самой тихой.
Малой сидел на краю койки.
— Если что... — начал он.
— Не надо «если», — перебил его Москвич.
— У тебя сын будет, — сказал я. — Ты должен вернуться.
Он кивнул.
Но глаза выдавали.
Страх был у всех.
Просто каждый носил его по-своему.
За окном шумел лес.
Ветер в кронах.
Не взрывы.
Не крики.
Последняя ночь без войны.
Утром нас погрузили в машины.
Колонна двинулась.
Лес сменился полями.

Поля — разбитыми дорогами.
А потом появился первый дым.
Чёрный. Тяжёлый.
И запах.
Запах гари, который потом никогда не забудешь.
Мы въезжали в зону, где выбор уже нельзя было отложить.
Продолжаем.

Глава IV

Первая линия

Мы прибыли под вечер.
Никаких фанфар.
Никаких построений.
Просто выгрузили из «КамАЗа» и повели по разбитой дороге к окопам.
Небо было низким. Тяжёлым. Воздух пах горелым металлом и сырой землёй.
Где-то вдалеке глухо бухало.
— Привыкайте, — сказал сержант. — Это фон.

Фон.
Слово странное.
Разрывы — фон.
Нас распределили по позициям.
Окопы неглубокие. Вода на дне. Доски, чтобы не утонуть в грязи.
— Ваша задача — держать сектор. Без геройств. Смотрите, слушайте, не высовывайтесь.
Москвич сразу осмотрелся.
— Вон посадка. «Оттуда могут работать», — сказал он тихо.
Я кивнул.
Малой молча проверял магазин. Пальцы дрожали.
— Дыши ровно, — сказал я.
Он кивнул.
Первую ночь никто не спал.
Каждый звук казался выстрелом.
Каждая тень — врагом.
Утром пришла тишина.
Не настоящая.
Подозрительная.
— Не нравится мне это, — сказал Дед.
Солнце поднялось выше.
Туман рассеялся.
И в этот момент прозвучал первый выстрел.
Не очередь.
Один.
Короткий.
Сухой.
Орёл, стоявший левее, резко дёрнулся назад и осел в окоп.
Никто сначала не понял.
Потом кровь пошла по его щеке.
Точно в глаз.
Мы пригнулись.
— Снайпер! — крикнул кто-то.
Тишина.
Он не стрелял снова.
Он ждал.
Я осторожно выглянул через край.
Посадка.
Тёмные стволы.
Никакого движения.
— Не высовываться! — крикнул сержант.
Орёл хрипел.
Я подполз к нему.
Глаза уже не было.
Пуля вышла затылком.
Он ещё пытался вдохнуть.
— Дочка... — прошептал он.
И всё.
Секунда.

И человека нет.
Ещё вчера он шутил в учебке.
Сегодня — пусто.
Малой отвернулся.
— Это он... — прошептал он. — Тот самый...
Я чувствовал то же.
Выстрел слишком точный.
Слишком спокойный.
Не случайный стрелок.
Работал профессионал.
— Сектор держать! — кричал сержант.
Но каждый теперь знал — нас уже увидели.
И нас выбрали.
Через час пошёл накат.
Сначала мины.
Земля дрожала.
Потом пехота.
Мы стреляли вслепую.
Без красивых манёвров.
Просто — чтобы выжить.
Малой зажал автомат так, что пальцы побелели.
Дед стрелял короткими, экономными очередями.
Москвич — спокойно.
Я чувствовал, как страх сжимает горло.
Не кино.
Не учения.
Там, за дымом, живые люди.
И если ты промахнёшься — они не промахнутся.
Пуля ударила в край окопа рядом со мной.
Слишком близко.
Не шальная.
Прицельная.
Он нашёл меня.
Я прижался к земле.
Сердце билось в ушах.
— Видит командира, — тихо сказал Москвич.
— Проверяет.
Он был прав.
Следующий выстрел лёг чуть левее.
Почти предупреждение.
Не убивает.
Пугает.
Ломает.
— Не дёргайся, — сказал Москвич.
Мы ждали.
Минуту.
Две.
Тишина снова стала густой.
Он уходил медленно.

Как охотник.
Оставив нам тело Орла.
И понимание.
Это будет не просто война.
Это будет игра.
И в этой игре нас будут считать по одному.

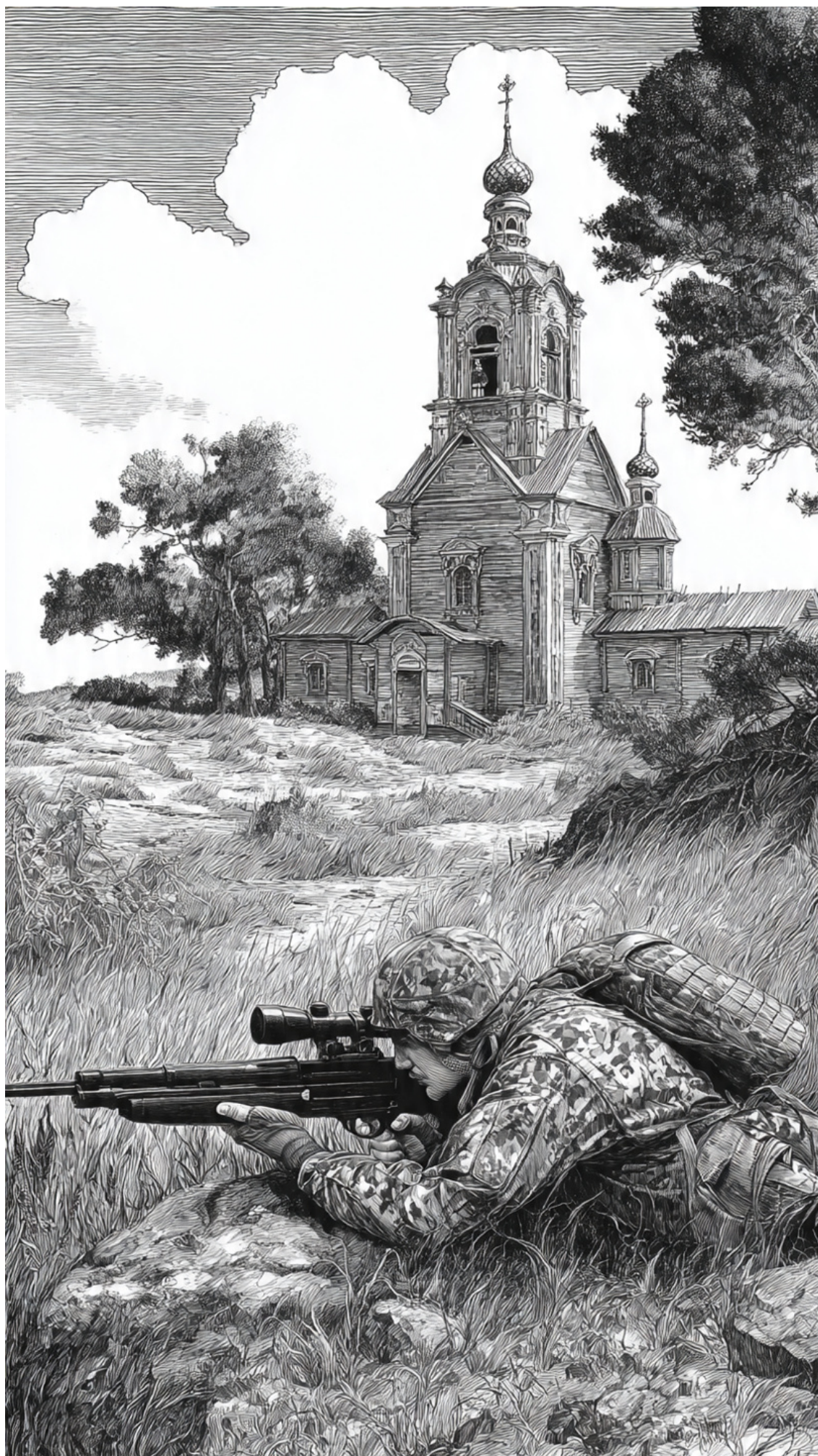
После боя мы сидели в окопе.
Пыль осела.
Солнце клонилось к закату.
Орла накрыли плащ-палаткой.
Никто не говорил громко.
— Вот и шиномонтаж... — тихо сказал Дед.
Малой вытер лицо рукавом.
— Он же даже не понял...
— Война не объясняет, — ответил Москвич.
Я смотрел на посадку.
Там было спокойно.
Слишком спокойно.
— Он вернётся, — сказал я.
— Да, — ответил Москвич. — И не за мишенями.
Я тогда ещё не знал, что через несколько месяцев этот же человек будет целиться мне в грудь.
И что пуля пройдёт в миллиметре от сердца.
Но уже тогда я понял:
Мы сделали выбор.
Теперь выбор будут делать за нас.
Каждый день.

Ночь после гибели Орла была тяжёлой.
Тишина не приносила облегчения.
Наоборот.
Когда не стреляют — начинаешь слышать себя.
Дыхание.
Мысли.
Страх.
Лёха сидел напротив меня, прижавшись к стенке окопа.
Руки у него дрожали.
Он не скрывал.
— Я так не могу, — прошептал он. — Он же нас по одному снимет...
— Не по одному, — сказал Дед. — Если будешь голову включать.
— Это не голова... — Лёха сглотнул. — Это прицел.
Никто не засмеялся.
Потому что каждый понимал — он прав.

Я знал Лёху ещё по зоне.
Он попал по глупости.
Драка в баре. Один толчок. Падение. Человек ударился виском о ступеньку. Умер.
Лёха потом неделю сидел в камере, не разговаривая.

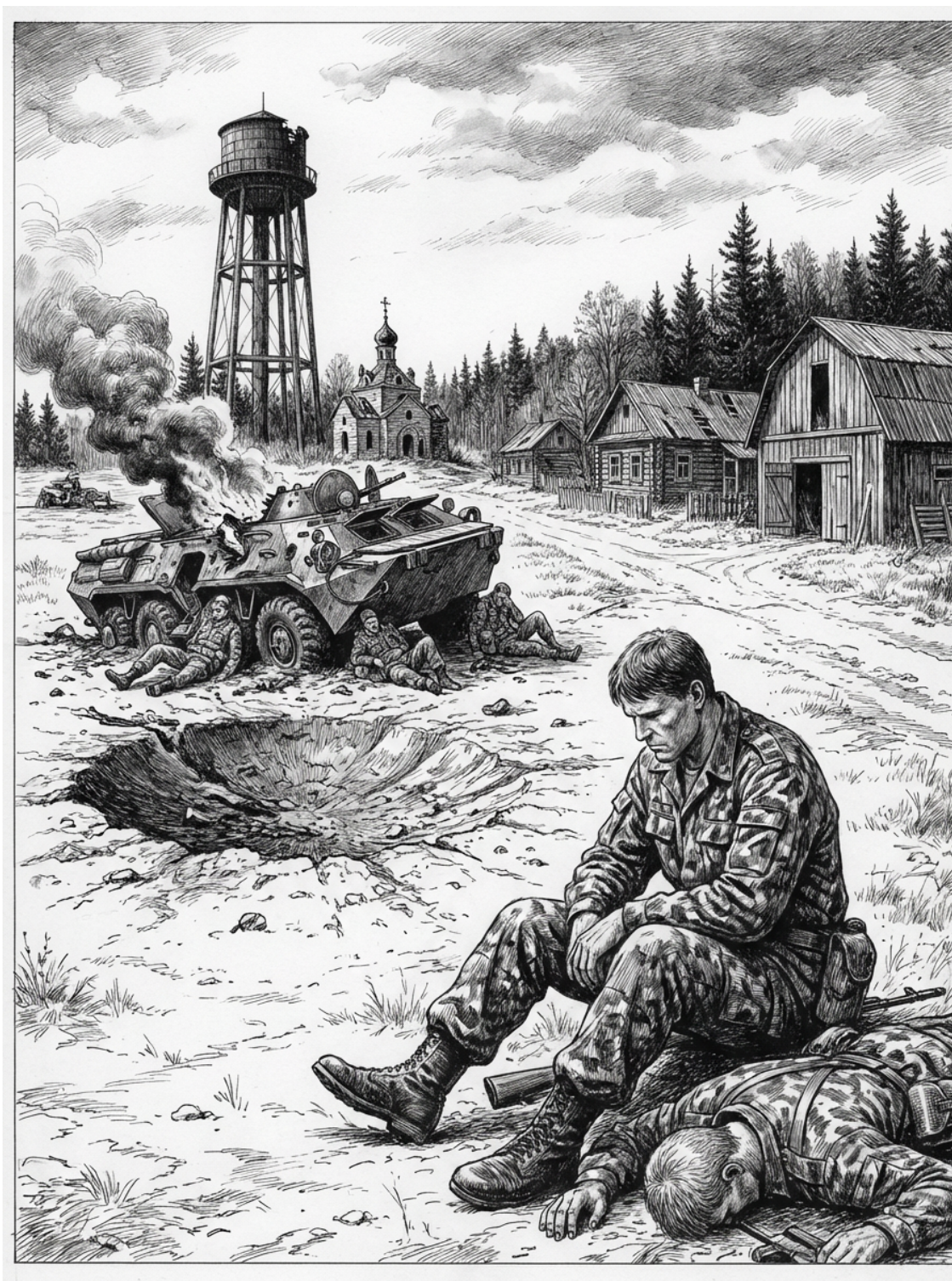
— Я не хотел... — повторял он. — Я просто оттолкнул...
Он не был злым.
Он не умел жить по лагерным правилам.
Он боялся драк.
И всё равно подписал контракт.
— Лучше уж честно, — сказал он тогда. — Чем гнить.
Он боялся, но пошёл.
Не герой.
Просто человек.

Утром пришёл приказ — сменить позицию.
Надо было перебежать к соседнему разрушенному дому, занять верхний этаж.
Дистанция — метров тридцать.
По открытому.
— Дым дадим, — сказал сержант.
— Работает он, — тихо ответил Москвич.
Лёха побледнел.
— Я последний, — сказал он.
— Все вместе, — ответил я.
Сигнал.
Дым лёг неровно. Ветер тянул его в сторону.
— Пошли!
Мы рванули.
Первые трое успели.
Я заскочил в дверной проём.
Москвич — за мной.
Лёха замешкался на середине.
Всего на секунду.
Этой секунды хватило.

Выстрел.
Он упал на колени.
Не в голову.
В ногу.
Он закричал.
И пополз.
Крик — хуже выстрела.
— Лежи! — крикнул я.
— Он добьёт! — прошептал Малой.
Мы видели посадку.
Там ничего не двигалось.
Снайпер ждал.
Он всегда ждал.
Лёха пытался подняться.
Пуля ударила рядом.
Второй выстрел — в плечо.
Он упал лицом вниз.
И в этот момент случилось то, что ломает людей.
Сзади, из-за угла дома, кто-то рванул назад.
Костыль.
Тот самый, что в зоне смотрел расчётливо.
Он должен был прикрывать.
Но он побежал.
Не к Лёхе.
Назад.
— Стой! — заорал Малой.
Но Костыль уже нырнул в подвал.
Паника заразительна.
Лёха лежал на открытом месте.
Он больше не кричал.
Просто дышал тяжело.
И тогда Москвич поднялся.
Без крика.
Без суеты.
Просто вышел из укрытия.
Я схватил его за рукав.
— Он тебя ждёт!
— Пусть.
Он пошёл к Лёхе.
Медленно.
Как будто по плацу.
Я видел посадку.
Ждал выстрела.
Он должен был прозвучать.
Но его не было.
Москвич схватил Лёху за разгрузку и потащил.
В этот момент прозвучал выстрел.
Пуля ударила в стену рядом.

Чуть выше.
Снайпер корректировал.
Он хотел, чтобы мы видели.
Чтобы понимали — он может.
Но не всегда убивает сразу.
Москвич втянул Лёху в дом.
Кровь шла сильная.
— Пережмём, — сказал он.
Я наклонился.
Лёха смотрел на меня.
— Я не хотел бежать... — прошептал он.
— Ты не бежал.
— Я... — он сглотнул. — Я боялся...
Он замолчал.
Кровь остановить не удалось.
Он умер через десять минут.
Тихо.
Без крика.

Костыля нашли вечером.
Он сидел в подвале.
Сжавшись.
— Я прикрывал... — начал он.
Я ударил его первым.
Не сильно.
Но достаточно.
— Ты бежал.

Он опустил глаза.
— Я не смог...
Это было честно.
И всё равно — предательство.
На войне страх понятен.
Но от него умирают другие.
Снайпер в тот день больше не стрелял.
Ему не нужно было.
Он уже сделал своё.
Мы похоронили Лёху за домом.
Без крестов.
Без слов.
Малой стоял, сжав кулаки.
— Если я когда-нибудь дрогну... — сказал он.
— Не дрогнешь, — ответил Москвич.
Я смотрел на посадку.
Там было спокойно.
Слишком спокойно.
И я понял:
Снайпер стреляет не только в тело.
Он стреляет в слабое место.
И если ты не сделаешь выбор сам —
Он сделает его за тебя.

После смерти Лёхи что-то изменилось.
Не в позициях.
В нас.
Мы стали двигаться медленнее.
Говорить тише.
Смотреть чаще по сторонам.
Снайпер больше не стрелял в тот день.
И это давило сильнее.
Он показывал:
я могу — когда захочу.

Через два дня нам приказали занять новую высоту — небольшую гряду за разрушенной фермой.

Место открытое.
Посадка напротив — метров восемьсот.
— Его сектор, — сказал Москвич.
Я кивнул.
— Пусть думает, что мы привыкли.
Мы копали ночью.
Земля тяжёлая, глина липнет к лопате.
Малой работал молча.
Костыль держался в стороне.
Он стал другим.
Тише.
Смотрел в землю.

Страх его не ушёл.
Он просто осел внутри.

Утром было необычно ясно.
Солнце вылезло рано.
Такие дни на фронте — плохие.
Слишком хорошо видно.
Я осматривал сектор через оптику.
Деревья.
Разбитый сарай.
Чёрная воронка.
И вдруг — отблеск.
Едва заметный.
Стекло.
Он был там.
Не двигался.
Просто смотрел.
Я медленно опустил голову.
— Он на месте, — сказал я.
Москвич не спрашивал откуда.
Он верил.
— Значит, начнёт.
Начал не сразу.
Сначала ударила мина — левее нас.
Потом вторая.
Пехоты не было.
Только давление.
И в этот момент — выстрел.
Пуля ударила в мешок с песком в двадцати сантиметрах от моей головы.
Не в меня.
Рядом.
Я не высывался.
Он знал, где я.
Второй выстрел — в металлическую каску, лежащую на бруствере.
Искры.
Смеха не было.
Это был вызов.
— Играет, — тихо сказал Дед.
— Нет, — ответил Москвич. — Проверяет.
Я медленно выглянул через щель.
И в этот момент пуля ударила в землю прямо перед лицом.
Глина посыпалась в глаза.
Он не промахнулся.
Он просто не убил.
Я понял.
Он выбирал.

Вечером, когда солнце садилось, он всё же выстрелил.
Но не в меня.

Малой стоял на секунду выше обычного — менял магазин.
Выстрел.
Пуля вошла в плечо.
Он упал назад.
— Живой! — крикнул я.
Кровь шла сильно.
— Задел кость... — прошептал Малой.
— Не шевелись.
Мы затащили его ниже.
Снайпер больше не стрелял.
Он сделал своё.
Он показал:
я могу добраться до любого.
И до тебя.
Ночью я не спал.
Смотрел в темноту.
В голове крутилась мысль:
почему не убил?
Ответ был простой.
Потому что смерть бы закончила всё.
А так — он держал меня в прицеле.
Он хотел, чтобы я ждал.
Чтобы каждое движение было сомнением.
Это хуже пули.
— Он тебя ведёт, — тихо сказал Москвич, не открывая глаз.
— Знаю.
— Не дай ему управлять.
Я усмехнулся.
— Легко сказать.
Он повернулся ко мне.
— В зоне помнишь?
Когда тебя на «общак» давили?
Я кивнул.
— Ты тогда тоже боялся.
Но встал.
Я вспомнил.
Тот вечер.
Паша на полу.
Секунда перед тем, как подняться.
Страх тогда был такой же.
Только без оружия.
— Выбор, — сказал Москвич тихо. — Всегда один и тот же.
Либо страх управляет тобой.
Либо ты — им.
Я закрыл глаза.
Где-то в темноте, за посадкой, лежал человек с винтовкой.
Спокойный. Терпеливый.
Он тоже ждал.
И я понял:

Это уже не просто противостояние.
Это личное.
И когда-нибудь один из нас сделает последний выстрел.

Глава V

Деревня

Приказ пришёл короткий.
— Удержать. Любой ценой.
Деревня называлась просто — Новая Балка.
На карте — точка.
На земле — несколько улиц, покосившиеся заборы, яблони в чёрной коре.
Когда мы вошли туда, было тихо.
Слишком тихо.
Двери домов закрыты.
Окна занавешены.
Дым из одной трубы — тонкий, осторожный.
— Не все уехали, — сказал Малой, перевязывая плечо.
— Не все уезжают, — ответил Дед.
Из-за калитки выглянула старуха.
Смотрела молча.
Не просила.
Не кричала.
Просто смотрела.
За её спиной — девочка лет восьми.
С косичками.
Я поймал её взгляд.
Она не понимала, кто мы.
Но понимала, что всё плохо.
— Эвакуация будет? — спросила старуха.
— Постараемся, — ответил я.
Это слово я ненавидел больше всего.
Постараемся.

Мы заняли позиции на окраине.
Дорога вела прямо к центру деревни.
Если техника прорвётся — всё закончится быстро.
— Он будет здесь, — сказал Москвич.
— Да.
Снайпер уже два дня молчал.
Это значило — выбирает место.
Посадка справа.
Разрушенная церковь слева.
Водонапорная башня вдалеке.
Идеально.
— Он любит высоту, — сказал Дед.
Я посмотрел на башню.
Тёмный силуэт на фоне неба.
— Значит, там и будет.

Перед боем всегда есть странная пауза.
Как вдох.
Мы сидели в пустом доме.
Стены в трещинах.
На столе — засохший хлеб.
Москвич чистил автомат.
— У меня сын, — сказал он вдруг.
Я поднял голову.
— Сколько?
— Четыре.
Он сказал это так спокойно, будто говорил о погоде.
— Почему не говорил?
Он пожал плечами.
— Не хотел жалости.
Тишина.
— Если что... — начал он.
— Не начинай, — перебил я.
Он посмотрел на меня.
— Ты же понимаешь, не все вернутся.
Я понимал.
— Его зовут Артём, — сказал он. — Белокурый. На мать похож.
Я запомнил.
В такие моменты понимаешь, ради чего человек стоит.
Не за приказ.
Не за награду.
За имя.

Бой начался ближе к полудню.
Сначала — мины.
Земля вздрогнула.
Стёкла в домах посыпались.
Девочка с косичками закричала где-то за стеной.
Потом — техника.
Гул.
Гусеницы.
— По местам! — крикнул я.
Мы заняли позиции.
Первый БТР показался на повороте.
— Ждём, — сказал Москвич.
Он держал «муху» наготове.
В этот момент прозвучал выстрел.
Не по технике.
По человеку.
Дед, стоявший у окна соседнего дома, дёрнулся и осел.
Пуля вошла в шею.
Точно.
Без шанса.
— Снайпер! — крикнул Малой.
Я посмотрел на башню.

И увидел отблеск.
Он был там.
— Работай по башне! — крикнул я.
Малой дал очередь.
Пули выбили куски бетона.
Ответа не последовало.
Он не спешил.
Он уже сделал своё.
Дед лежал на полу, кровь медленно растекалась.
Я подполз к нему.
Он ещё дышал.
— Вот и всё, — прошептал он. — Воркута... теплее была...
Он попытался улыбнуться.
Не получилось.
И замер.
В тот момент я почувствовал, как внутри что-то ломается.
Старое поколение уходило.
Без слов.
Без финалов.
Просто — пуля.
— «Граф»! — крикнул Москвич. — Техника!
БТР выкатился ближе.
Башня повернулась.
Разрыв.
Дом, напротив, сложился.
Я схватил гранатомёт.
— Прикрывай!
Москвич вышел на полшага вперёд.
Я видел башню.
Видел посадку.
И знал — он смотрит на меня.
Снайпер.
Я выстрелил.
Ракета ушла ровно.
Удар.
БТР дёрнулся.
Загорелся.
— Есть! — крикнул Малой.
Но радости не было.
Потому что второй БТР уже шёл следом.
И с башни снова блеснуло.
Выстрел.
Пуля ударила мне в грудь.
Сильный удар.
Я упал.
Воздух вышибло.
Москвич рванул ко мне.
— Живой?!
Я пытался вдохнуть.

Боль жгла.
Но сердце билось.
Бронепластина приняла удар.
В миллиметре.
Я посмотрел на башню.
И понял:
Он оставил меня.
Снова.
Он хотел, чтобы я встал.
Чтобы вышел.
Чтобы сделал выбор.
Москвич поднялся.
— Лежи! — крикнул я.
Он не лег.
Он вышел из укрытия.
Прямо на линию огня.
— Сергей! — закричал Малой.
Выстрел.
И на этот раз пуля не прошла мимо.

Выстрел прозвучал.
Но я не сразу понял — попал ли.
Москвич стоял.
Секунду.
Две.
Как будто время замедлилось.
Потом он опустился на одно колено.
Не упал.
Опустился.
Я рванул к нему, забыв про башню.
— Лежи! — крикнул Малой.
Второй выстрел ударил в стену над моей головой.
Снайпер не спешил добивать.
Он видел нас.
Он выбирал.
Я схватил Москвича за плечи и втянул за угол дома.
Кровь проступала на боку, под разгрузкой.
Не грудь.
Ниже.
Но много.
— Зацепил... — выдохнул он. — Ничего...
Ничего.
Он всегда так говорил.
Снаружи грохнул второй БТР.
Башня поворачивалась, ствол медленно скользил по улице.
— Если он зайдёт на перекрёсток — всё, — сказал Малой, перезаряжая.
Я выглянул на секунду.
Башня.
Окна домов.

И там — башня водонапорная.
Тёмный прямоугольник.
Он не стрелял.
Он ждал.
Он понимал, что я сейчас думаю.
Внутри стало тихо.
Не от отсутствия звука.
От ясности.
Я видел сразу всё.
Деревню.
Старуху.
Девочку с косичками.
Москвича рядом.
Его сына.
Имя — Артём.
Я понял — он встанет.
Потому что всегда встаёт.
— Сергей, не смей, — сказал я тихо.
Он посмотрел на меня.
В его взгляде не было страха.
Была усталость.
И решение.
— Если техника пройдёт, — сказал он спокойно, — их не успеют вывести.
Снаружи гусеницы хрустнули по щебню.
БТР заходил ближе.
— Я прикрою, — сказал я.
Он покачал головой.
— Он ждёт тебя.
Третья пуля ударила в дверной косяк.
Точно туда, где я стоял секунду назад.
Да.
Он ждал меня.
Это была дуэль.
Но не сейчас.
Сейчас — деревня.
Малой посмотрел на нас.
— Что делаем?
Москвич медленно поднялся, опираясь на стену.
Кровь уже стекала по ноге.
— Ты с «мухой» по технике, — сказал он мне. — Я выманю.
— Ты с ума сошёл?!

Он улыбнулся.
Едва заметно.
— Помнишь лагерь?
Я кивнул.
— Тогда ты встал.
Теперь моя очередь.
Снаружи БТР вышел на перекрёсток.
Башня повернулась к домам.

Издалека донёлся детский крик.
Я почувствовал, как что-то внутри окончательно становится на место.
Выбор.
Он не в смерти.
Он в секунде до неё.
Москвич шагнул из укрытия.
Прямо в улицу.
В полный рост.
И закричал:
— Эй! Смотри сюда!
Выстрел с башни.
Одновременно — выстрел БТР.
Я выскочил следом.
Навёл гранатомёт.
Всё исчезло.
Осталась только цель.
И понимание, что сейчас кто-то из нас перестанет дышать.
Продолжаем.

Выстрел с башни прозвучал почти одновременно с грохотом БТР.
Я увидел, как тело Москвича дёрнулось.
Не резко.
Не как у Орла.
Как будто его толкнули в спину.
Он не упал сразу.
Сделал ещё шаг.
Вперёд.
Прямо в улицу.
Пуля вошла в грудь.
Я понял это по тому, как он выдохнул.
Коротко.
Тихо.
Но он всё равно стоял.
Секунда.
Две.
Этого хватило.
Башня БТР повернулась на него.
И в этот момент я нажал спуск.
Ракета вышла ровно.
Ударил в борт машины.
Взрыв.
Огонь вырвался из люков.
Гусеница перекосилась.
Техника остановилась.
Но снайпер уже сделал своё.
Москвич осел на колени.
Я бросился к нему.
Пули ударили в асфальт рядом.
Снайпер стрелял ещё.

Но уже вслепую.
Его цель была достигнута.
Я подхватил Москвича под руки и втянул за угол.
Кровь была тёплой.
Слишком много.
Он смотрел на меня.
Сознание ещё держалось.
— Успели? — спросил он.
— Да. Всё. Техника горит.
Он кивнул.
Губы побелели.
— Значит... нормально...
Я прижал руку к ране.
Бесполезно.
Он это понимал.
Я — тоже.
Снаружи слышались крики.
Наши добивали тех, кто выскочил из БТР.
Малой стрелял короткими очередями.
Но для меня мир сузился до одного лица.
— Артём... — прошептал он.
Я наклонился ближе.
— Я понял.
Он посмотрел в сторону улицы.
Туда, где стояла старуха с девочкой.
— Не зря...
И замолчал.
Глаза остались открытыми.
Я закрыл их ладонью.
На секунду стало абсолютно тихо.
Даже выстрелов не слышал.
Только собственное дыхание.
Снайпер больше не стрелял.
Он исчез.
Как тень, которая сделала своё дело.

Бой закончился к вечеру.
Врага отбросили.
Деревню удержали.
Технику сожгли.
Мирные выжили.
Старуха подошла ко мне.
— Спасибо, сынок, — сказала она.
Я не знал, что ответить.
За спиной лежал человек, который заплатил за это.
Малой сел рядом со мной.
Лицо чёрное от копоти.
— Он же знал... — сказал он тихо.
— Да, — ответил я.

Мы молчали.
Солнце опускалось.
Освещало улицу золотым светом.
Таким же, как в тот день, когда пуля прошла в миллиметре от моего сердца.
Я посмотрел на башню.
Она стояла пустой.
Он ушёл.
Но я знал — это не конец.
Он ещё вернётся.
Потому что между нами остался незавершённый выстрел.
А пока...
Деревня жила.
Девочка с косичками держала мать за руку.
И смотрела на нас.
Я впервые понял:
Искупление — это не смерть.
Это то, что ты защищаешь до неё.

Глава VI

Госпиталь

Я проснулся от тишины.
Не от взрыва.
Не от крика.
От тишины.
Белый потолок.
Ровный.
Без трещин.
Без копоты.
На руке — капельница.
В груди — тупая боль.
Я попытался пошевелиться.
Получилось.
Значит, жив.
Слева кто-то тяжело дышал.
Справа — аппарат тихо пищал.
Никакого грохота.
Никакой земли в зубах.
Никакого прицела, смотрящего в лицо.
И от этого стало хуже.
Я закрыл глаза.
Передо мной — улица.
Москвич стоит в полный рост.
Выстрел.
Я резко открыл глаза.
Палата.
Белые стены.
Медсестра прошла мимо.
— Очнулись? — спокойно спросила она.
Я кивнул.

— Вам повезло.
Повезло.

Слово резало.
— Остальных? — спросил я.
Она не сразу поняла.
— Из вашей группы.
Пауза.
— Один погиб на месте. Ещё двое в тяжёлом.
Я отвернулся к стене.
Один погиб.
Как будто это статистика.
Не имя.
Не человек.

Дни тянулись одинаково.
Перевязки.
Таблетки.
Тишина.
Иногда по коридору проезжали каталку.
Иногда кто-то кричал во сне.
Но в основном — тишина.
И в этой тишине начинали звучать мысли.
Почему он?
Почему не я?
Он вышел.
Я стрелял.
Но вышел он.
Я вспоминал лагерь.
Подпись.
Пашу.
Лёху.
Орла.
Деда.
И понимал — каждый из нас сделал свой выбор.
Но жив остался я.
Это давило сильнее раны.

Однажды в палату вошёл офицер.
Форма выглажена.
Лицо официальное.
— Капитан Андрей... — он назвал мою фамилию. — За проявленное мужество...
Я почти не слушал.
Орден.
Бумаги.
Благодарность.
— Ваш сослуживец Сергей Захаров представлен посмертно.
Сергей.
Не «Москвич».
Сергей.
Имя прозвучало иначе.

Реальнее.

— Его семья уведомлена, — добавил офицер.

Я кивнул.

Слова не шли.

После его ухода я долго смотрел на орден.

Металл блестел.

Холодный.

Я не чувствовал гордости.

Только пустоту.

Выписали меня через три недели.

На улице было непривычно тихо.

Машины ездили.

Люди шли по делам.

Никто не пригибался.

Никто не искал укрытие.

Я стоял у входа в госпиталь и чувствовал себя чужим.

Как будто вернулся не туда.

Малой приехал через несколько дней.

Рука в перевязи.

Живой.

Он сел рядом на лавку.

Мы молчали.

— Он бы не хотел, чтобы мы вот так, — сказал он.

— Как?

— Чтобы внутри всё умерло.

Я посмотрел на него.

— У тебя сын будет.

Он кивнул.

— Я назову его Сергеем.

Я ничего не ответил.

Но внутри что-то сдвинулось.

Это был другой выбор.

Не в бою.

После.

Через неделю были похороны.

Мать Москвича стояла прямо.

Без истерики.

Без слёз.

Как будто всё уже выплакала раньше.

Рядом — мальчик.

Белокурый.

Четыре года.

В руке — роза.

Он смотрел на фотографию.

И не понимал.

Я подошёл к нему.

Опустился на корточки.

— Ты Артём?
Он кивнул.
— Папа где? — спросил он.
Я посмотрел на небо.
Такое же синее, как в день боя.
— Он тебя защищал, — сказал я.
Мальчик молчал.
Мать Москвича подошла ближе.
— Вы были с ним? — спросила она.
— Да.
— Он не страдал?
Я выдержал паузу.
— Нет.
Это была правда.
Он умер быстро.
Она кивнула.
— Спасибо, что вернулись.
Слова были простые.
Но в них не было упрёка.
Только усталость.
Я смотрел на гроб.
И понимал:
Если сейчас просто уйду — всё будет зря.
Не его смерть.
Моя жизнь.
Я подошёл к матери.
— Я буду помогать, — сказал я.
Она посмотрела внимательно.
— Это не долг, — ответила она тихо. — Это если по сердцу.
Я кивнул.
По сердцу.
И тогда я впервые понял:
Искупление — это не погибнуть.
Это остаться.
И не отвернуться.

Глава VII

Возвращение

Дом встретил меня тишиной.
Не той больничной, стерильной.
А обычной.
Холодильник гудит.
Соседи хлопают дверью.
Где-то во дворе смеются дети.
Я стоял посреди комнаты и не понимал, что делать.
На столе лежала почта.
Пыль на подоконнике.
Жизнь продолжалась без меня.
Я сел на стул.

Рука машинально коснулась груди — туда, где пуля ударила в пластину.
Сердце билось ровно.
Я жив.
Почему?

Через несколько дней позвонили из администрации.
— Вам нужно явиться для оформления документов.
Снятие судимости.
Амнистия.
Бумага с печатью.
Чисто юридически я снова был «чист».
Секретарь протянула документы, не поднимая глаз.
Потом всё же взглянула на меня.
— Вы... там были?
— Да.
Она кивнула.
— Спасибо.
Без пафоса.
Тихо.
Я вышел на улицу.
Солнце светило ярко.
Люди шли с пакетами.
Никто не знал, кто я.
И это было странно.
Там, на фронте, всё было просто.
Здесь — сложнее.

Один раз в метро я заметил, как мужчина смотрит на мои медали.
Долго.
Потом отвернулся.
Не с презрением.
С непониманием.
Я понял — для них война далеко.
Для меня — внутри.
Ночью я просыпался от звука лифта.
Казалось — выстрел.
Иногда в тишине я почти слышал щелчок затвора.
Снайпер остался в голове.
Не в посадке.
Внутри.

Малой приехал вечером.
С пакетом.
— Жена пирог передала, — сказал он, смущаясь.
Мы сидели на кухне.
Обычный стол.
Чай.
Без раций.

Без команды «по местам».

— Я работу ищу, — сказал он. — Не хочу просто сидеть.

Я кивнул.

— Правильно.

Он посмотрел на меня.

— А ты?

Я не знал.

Работа?

Карьера?

Жить как раньше?

Раньше уже не было.

— Я к Артёму поеду, — сказал я.

Он понял.

— Это правильно.

Мы помолчали.

— Иногда кажется, что мы всё ещё там, — тихо сказал он.

— Потому что часть нас там и осталась.

Я стал приезжать к матери Москвича раз в неделю.

Сначала она держалась официально.

Потом — мягче.

Артём привык быстро.

Он тянул меня за рукав.

— Папа так же ходил, — сказала однажды его бабушка.

Я замер.

— Простите.

— Не за что, — ответила она спокойно. — Он бы хотел, чтобы вы рядом были.

Однажды Артём принёс рисунок.

Дом.

Солнце.

И три фигуры.

— Это папа, — сказал он. — Это я. А это ты.

Я посмотрел на рисунок.

В груди что-то болезненно сжалось.

Это был момент.

Не громкий.

Без выстрела.

Но сильнее боя.

Я понял — если отступлю сейчас, предам.

Не врага.

Его.

И себя.

— Я буду рядом, — сказал я.

Не обещание.

Решение.

Позже я узнал, что «Стамбул» погиб через два года.

Снайпер.

Пуля в сердце.

Мгновенно.

Я долго сидел тогда один.

Смотрел в окно.

Свет от фонаря падал на стену.

Жизнь продолжалась.

Но имён становилось больше.

И каждое имя — как отметка.

Сколько ещё?

И зачем я жив?

Ответ пришёл не сразу.

Он пришёл тихо.

В тот день, когда я впервые снова вошёл в монастырские ворота.

Снег скрипел под ногами.

Солнце отражалось в куполах.

И я вдруг понял:

Если не научусь прощать — ни их, ни себя —

вся эта дорога будет бессмысленной.

Я остановился у входа.

Глубоко вдохнул.

И сделал шаг.

Глава VIII

Субботный день 8 марта, был необычно светлым, яркое солнце освещало купола и заснеженные кресты Даниловского монастыря.

Храм переливался разными красками, блики от золотого света отражались на снегу, и он переливался всеми цветами радуги.

— Я спускался вниз, проходя высокую стену с вековой историей, сколько раз я ходил сюда?

Причаститься, поставить свечи, просто помолиться.

Двадцать лет, как приехал в Москву и полюбил эти места.

Но сегодня он был необычно красив!

— Я себя чувствовал немного не по себе, солнце уже грело и таял снег, и в пальто было жарко.

Нужно было одеть парадный китель с орденами, если честно я его одевал несколько раз, когда награды давали и на похороны "Москвича".

Это было тяжёлое испытание, мать старушка, у которой не было слёз, она их выплакала переживания за сына и маленький внук — сын "Москвича".

Да оказалось у "Москвича" был сын, о чём он никому про него не рассказывал.

Жена умерла от рака, и сына воспитывала мать.

Мальчишка копия "Москвича" белокурый, малец 4х лет, не понимал почему столько народу собралось и почему на чёрной камне фото его отца, которого он видел несколько раз, когда он с подарками приезжал в отпуске.

Он тихо смотрел на всех, широко открытыми глазами, держа в руке розу и не зная куда её положить.

Боже милый ребёнок, ты вырастешь и узнаешь кем был твой отец, ценой своей жизни, он спас сотни людей.

Деревню, в которой были 12 человек женщин и детей.

Если бы он не остановил их, их бы не успели вывести, они бы не оставили бы живых никого.

Милый мальчик, ты обязан вырасти порядочным человеком.

— Я помогу в этом в память о великом человеке!

Позывной "Москвич".

— Сняв пальто, стало немного прохладнее, медали подпрыгивали у меня на груди и пере-
ливались на солнце. Я чувствую себя немного неудобно — все оглядываются, фотографируют.

— Дети бежали за мной и тихо переговаривались.

— Смотри, герой, я тоже таким буду!

— И я тоже! — поддержал малыш помладше.

— Девушки улыбались и махали рукой, отпуская воздушные поцелуи. Какой-то старик,
выпрямился, отдавал честь. Мне стало немного не по себе.

— Лучше одеть пальто, — подумал я.

Хоть и жарко.

Ладно, уже пришёл.

— Сегодня важный день. Малой крестит сына. Ну я как мог пропустить крестины?

И шанса не прийти нет! Нужно быть при параде!

У входа в монастырь собрались прихожане, и несколько человек просили милостыню. Я
положил по купюре.

И вдруг меня окликнул знакомый голос.

— Андрей! Андрей! Ты ли это?

— Я обернулся.

— Отец Николай!

Старик, совсем седой, подошёл ко мне.

Я не мог не узнать его — усталый от утренней молитвы, он приблизился ко мне.

— Сколько мы знакомы? Лет пятнадцать?

— Я ходил к нему на исповедь и просто поговорить.

— Сто лет не видел его!

— А точнее — как оказался в лагере, потом на войне, где-то четыре года.

— Рад видеть вас в здравии, отец!

Я поцеловал его руку, он перекрестил меня.

— Андрей, как ты?

— Жив, батюшка, как видите!

— Вы молодеете и молодеете, отец!

— Да ладно тебе, болезни никуда не денешь. Ноги не держат, утреннюю еле отстоял,
похоже время придёт.

— Да вы сто лет проживёте!

Я обнял и поцеловал его в щёку.

— На всё воля Божья, всему своё время.

— Мой конец близок! И не спорь со мной!

— Отец перекрестился и продолжил.

— Спасибо тебе, Андрей!

— За что? — сделав вид, что ничего не понимаю, спросил я.

— Меня не обманешь, сын мой!

— Я знаю, ты передал деньги в храм на постройку школы для детей.

— Ну, это... да так, это мы...

Я не знал, что сказать, и замолчал.

— Ладно, не смущайся. Я молился за тебя все эти годы!

— Пуля — дура, но Бог сильней!

— Прямо в сердце?

— Рядом прошла, в миллиметре!
Откуда он узнал о ранении? Но спрашивать не стал.
Старик положил руку мне на сердце.
— Вижу... многое вижу!
— Андрей, слушай меня, старика!
— Запомни мои слова!
— Бог не случай.
— В этой груди бьётся доброе сердце!
— Убери скорбь, печаль, воспоминания. Прости врагов!
— Слышишь? Прости врагов! — повторил отец.
— Иди, дорогой. Добра!
— Ты многих спасёшь. Очень многих.
— Там быстро меняются... — ответил я и опустил глаза.

Мы стояли у входа в храм. Люди проходили мимо: кто крестился, кто просто смотрел с любопытством.

— Батюшка внимательно смотрел на мои ордена, но ничего не сказал.
— Давно не был на исповеди? — тихо произнёс он.
— Не знаю, можно ли мне...
— Можно всем, Андрей.
— Особенно тем, кто прошёл через ад.

Мы зашли внутрь. Запах ладана, полумрак, свечи.

Всё было знакомо и в то же время как будто не моё. Я чувствовал тяжесть внутри, как перед первыми боями.

— Помнишь, о чём мы говорили тогда? — спросил он.
— Про вину... и про выбор.
— Ты свой сделал.

Я молчал. Перед глазами вставали лица. «Москва», «Маха», «Терех».

Те, кто остался там.

— Я много крови видел, батюшка.

— Война — это не твой грех, — сказал он. — Грех — это забыть, ради чего ты живёшь дальше.

— Я хотел что-то ответить, но слова застряли внутри.
— Я зэк был... — сказал я наконец.
— Был, — спокойно ответил он.
— А сейчас кто?
— Солдат.

— Вот и живи как солдат. До конца.

Ты знаешь, Андрей, сказал батюшка

— Не все святые были безгрешны

— А не святые?

— Иногда ближе к Богу чем праведники.

Я усмехнулся.

— Вы, как всегда, отец Николай

— Я как всегда честен.

Старец поцеловал, перекрестил и пошёл в сторону кельи.

Я долго смотрел вслед. Уходящему силуэту, уходящей эпохе.

Он был прав. Через месяц старца не стало.

Он умер тихо и мирно.

После службы лёг и заснул вечным сном.

— Товарищ капитан! Ну, где же вы? Вас все ждут!
На пороге у церкви стоял мужчина, опираясь на палочку, при параде, а на груди красовались орден Суворова и медали.
— Здравствуй, дорогой! Мы крепко обнялись.
Год не видел тебя!
— Задержал отец Николай! Пойдём.
В храме было человек тридцать, молодёжи — человек пять.
«Малой», миловидная девушка лет двадцати пяти, держала маленького мальчика, который не плакал, а восторженными глазёнками смотрел на происходящее.
— Святой отец взял мальчика и три раза окунул в купель и перекрестил.
— Во имя Отца и Сына и Святого Духа! Аминь!
Все перекрестились и низко поклонились.
— Теперь у тебя ангел-хранитель есть, живи и здравствуй!
Родители и крестные, возьмите сына.
Мама взяла его, малой не плакал, только облизывался от стекающей водички по лицу.
— Видно, настоящий мужик растёт, всё — плачут! А этому, смотри, нравится!
Святой отец срезал прядь волос и помазал крестом лоб.
— Теперь крёстные! — отец махнул девушке, сестре и жене малого.
Двадцати трёх лет, симпатичная стройная брюнетка взяла меня под руку, и мы подошли.
Все обошли три раза, купель, отец прочитал молитву.
— Боже, спаси и сохрани нас и наше Отечество! — сказал отец и удалился.
Я подошёл к «Малому», и его жена ласково и пристально смотрела на меня.
— Слушай, мне послышалось? Сергеем назвали? Ты же собирався в честь деда Павлом.
— Они переглянулись.
— Нет, в честь Сергея Захарова! Позывной «Москвич».
Боже, я даже забыл, как его зовут.
— В честь Героя России! Сергея Захарова, позывной «Москвич», — повторил «Малой».
Он всегда для меня был «Москвич».
— Захар в лагере.
— Серёга погиб.
Я взял маленькую ручку малыша.
— Слушай, у тебя имя великого человека! Серёга, ты обязан стать достойным человеком.
Малец, как будто меня услышал, потянул мой палец в рот, попытался укунить беззубым ротиком и залился смехом — детским и звонким.
Все дружно рассмеялись.

P.S.

Через два года у «Малого» родился второй сын, его назвали Андрей.
Сын «Москвича» рос. Я помогал, приезжал нечасто, но старался не пропускать его праздники.
Устроил его в «Суворовское училище».
Мама «Москвича» прожила довольно долго ещё, как будто знала, что нужно быть рядом с ними.
Теперь он мой сын — я его усыновил.
«Стамбул» провоевал ещё два года и погиб. На штурме взяли в плен десять человек, их пытались отбить свои.
— Снайпер!
— Пуля в сердце! Умер мгновенно!
Светлая память командиру!

Мы ему жизнью обязаны.

Жизнь...

Как ты иногда коротка и быстротечна.

Иногда человек, потеряв всё — свободу, друзей, родных,
ошибившись и переступив закон, оказавшись на дне, —
ему даётся шанс. Последний рывок.

Шанс искупить. Да, именно кровью.

И доказать, что ошибка — это искупление и исправить что-то в себе. Иногда это очищение души.

Ведь что-то свыше пытается нам сказать, что ты должен измениться.

Ты каешься в себе, делаешь выбор — нелёгкий, самый трудный — пожертвовать собой,
единственной жизнью,

ради будущего других.

Мы не идеальны, мы ошибаемся. Но перед каждым всегда встаёт вопрос:

встать с колен, вопреки всему.

И стать спасителем не только других, но и своей души.

Этот рассказ посвящён всем осуждённым, которые ценой своей жизни искупили свою
вину,

защитили свою страну — великую и нерушимую Россию.

Вечная память.

...Продолжение следует.

Андрей Шувал

- Бизнесмен, писатель, поэт.
- Потомок графского рода Шуваловых.
- Гордость России
- Бизнесмен года 2022
- Премия SKOLKOVO
- Премия AWORD ARDS
- Top People Awards

• Андрей Шувал известный бизнесмен, писать, поэт. Из династии известных управленцев России!

- В 2026-2027 году в России издаются книги
 - ✓ «Бизнесмен. Жизни сказать: «ДА»
 - ✓ «Даниловский – река надежды»
 - ✓ «Мёртвая невеста. Тайна старой мельницы» из серии «Шерлок ... знает.»
 - ✓ «Слеза Моны Лизы. Убийство на Арбате»
 - ✓ «Отверженные. Святые не святые»
 - ✓ и др.

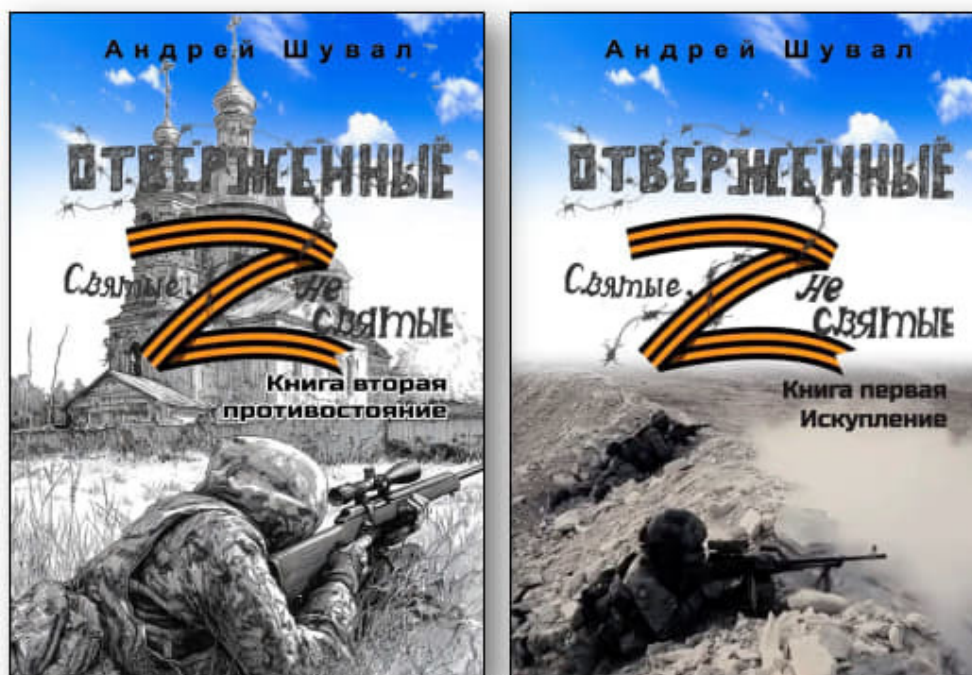
Когда я писал сборник стихов «Выжженная земля. На передовой» на меня было два покушения на убийство.

Когда я писал роман «Отверженные. Святые не святые» я жил 3 года в лагере с заключенными.

Чтобы написать повесть «Бизнесмен» и «Отверженные» 2 часть, я отправляюсь в зону СВО

Ранение, война, заключение.

Вот судьба моих книг!

Отверженные. святые не святые.

Этот роман на реальных событиях! Истории судеб людей! «от сумы и тюрьмы не зарекайся» люди, которые ошиблись, переступили закон, получили большие сроки заключения в тюрьме.

Им предоставлен выбор: сидеть весь срок или идти на войну и кровью искупить вину.

Рискнуть единственной жизнью, погибнуть или выжить.

Непридуманные истории героизма людей на войне. Предательство, боль, дружба и любовь в тяжелых условиях.

Этот роман про русского героя, солдата России

Он не только искупил свою вину, но и спас десятки жизней, а также защитил нашу свободу!

В 2027 году в России

Бизнесмен жизни сказать: «Да»

Андрей из провинциально городка. В Москве создал строительную корпорацию, у него молодая жена мисс Москва и маленький ребёнок. Есть любовница, бизнес леди «мисс федерации Милена работает в рекламном бизнесе. Она знакомит его с медиамагнатами, звёздами шоу-бизнеса. На форуме в Санкт-Петербурге Андрея знакомят с банкиром американцем у него банк в Москве. Он предлагает Андрею вложить 5 млрд. евро в строительство элитного жилого микрорайона и бизнес центра в Московской области. Андрей соглашается и подписывает контракт. Ему переводят 5 млрд. евро.

Неожиданно Андрея арестовывают по ст. 159 – мошенничество, в СИЗО к нему подсаживают вора в законе, он передает, что если деньги отдаст, то его выпустят. Андрей отказывается.

Андрей узнает через осуждённого бизнесмена, что у банкира американца отнимают банк и он с помощью Андрея выводит активы. Пропадает сын из школы и жена. Если он не отдаст деньги их убьют. Андрей переводит 5 млрд. евро, его обманывают и осуждают на 10 лет особого режима. В СИЗО пытаются убить, этапом везут в Омск, в лагере его ждут, чтобы ликвидировать.

Он узнает, что сына увезли на Украину продать и переправить в Европу. Жену находят мертвой. Андрей, вор в законе и двое зеков бегут в тайгу, за ними погоня. Американец высылает наемника, у вора счёты с банкиром. Убивают вора, он сообщает Андрею, где общак спрятан. Андрея ранят, он падает со скалы, его находит монахиня Стефания и в монастыре выхаживает. У них возникают чувства. Настоятельница их предает, Андре арестовывают и стреляют в Стефанию. Андрея везут в лагерь. Покушение, он заказан, жизнь на волоске.

Начинается Специальная военная операция на Украине. Начальник лагеря помогает Андрею подписать контракт на СВО. Штурмы. Андрей в гуще СВО, попадает в плен. Сын где-то у наёмников.

Выжить, найти сына, вернуть деньги, обрести любовь!

В 2027-28 году в России

Строитель 99-22.

Испытание

Девяностые, нищая Россия! Бандиты, уличные разборки, магазины пусты. Молодой парень, из династии строителей начинает свой путь в строительном бизнесе.

Молодая Россия встает с колен и движется маленькими шагами от упадка и разрухи к

экономическому

развитию и прогрессу.

Молодой бизнесмен вырастет вместе с Россией.

Лихие девяностые, ОПГ, бандитские крыши, покушения и вымогательства. Стройка – кровавый и опасный бизнес. Но это лишь закаляет молодого бизнесмена.

Он решает ехать в столицу и начинать бизнес в Москве. Там его ждут по-настоящему большие испытания. Предательства, убийства знакомых, годы заключения в тюрьме.

Двадцать лет тернистого и кровавого пути к богатству и личному счастью.

Скоро по всей России

Мёртвая невеста. Тайна старой мельницы

В пионерском лагере происходит убийство беременной пионервожатой Ольги, за неделю до свадьбы.

Убийство происходит на старой мельнице, труп девушки загадочным образом пропадает.

Двое ребят Андрей и Василий становятся невольными свидетелями убийства.

У мельницы дурная слава! В царские времена здесь загадочным образом пропадает беременная невеста в в свадебном платье.

Люди бояться туда ходить и мельницу обходят стороной. Поверие гласит «Молодых влюблённых перед свадьбой мёртвая невеста забирает с собой! Мстит за разлуку с любимым.

Полиция начинает расследование. Мальчики в центре событий. Со своими друзьями начинают своё расследование.

Происходит еще несколько убийств. Андрей узнает, что в убийстве Ольги фигурирует бриллиантовое кольцо, которое также пропадает.

Также друзья узнают, что в царские времена, местный помещик, владелец мельницы, обладал коллекцией бриллиантов, которая бесследно пропала. Это также было связано со смертью его дочери, которую он разлучил с женихом и хотел выдать за другого. Она, беременная, погибает сто лет назад.

События пытаются скрыть, но они тянутся до наших дней. Ребята оказываются в гуще событий. Их жизнь на волоске.

Скоро по всей России

Алмаз наследник по неволе

Семнадцатилетний Андрей живёт в Москве с мамой Анной, известной моделью и бабушкой Москве без отца. Неожиданно им приходит письмо из Испании. В письме сообщается, что в фамильном замке в пригороде Барселоны скончался известный миллиардер и коллекционер крупнейших в мире алмазов Сергей Захаров. Так как Андрей включен в завещание на наследство.

Мать Андрея признается, что в молодости была на стажировке в Барселоне и познакомилась с сыном эмигрантов из России, бизнесменом Сергеем Захаровым. Анна тогда только что выиграла конкурс красоты, а Сергей, сын богатых предпринимателей.

Через 6 месяцев Анна говорит Сергею, что беременна, а Сергей сообщает семье о помолвке. Но у властной матери Сергея другие планы на сына. Она хочет женить его на дочери мэра Барселоны. Анне подкидывают наркотики и под страхом большого срока, берут обещание никогда не возвращаться в Испанию, а Сергею говорят, что Анна сбежала с другим.

На оглашении завещания присутствует вся семья Сергея Захарова: Жена – испанка, сын и дочь 20 и 25 лет. А также друг и партнёр Сергея по бизнесу. Все ждут свои доли.

Выясняется, что перед смертью Захаров неожиданно переписывает завещание Сыну и дочери, достаются замок, яхта и часть денег. Завод и коллекцию самых больших и дорогих алмазов, русскому сыну Андрею, а партнёру – ничего.

Завещанная семнадцатилетнему юноше коллекция алмазов на миллиарды долларов спрятана, и никто не знает где. Андрей вступит в наследство через год 20 июля на своё восемнадцатилетие. За год он должен по подсказкам и письмам отыскать спрятанную коллекцию и раскрыть тайну гибели отца.

Родственники решают, что оставлять Андрея в живых нельзя. Начинается охота за алмазами. Сын и дочь Захарова также начинают охоту за алмазами, оставляя за собой трупы, преследуют Андрея и его мать. Им помогает близкий друг Захарова, адвокат. Анна погибает. Им нужно выжить в чужой стране, найти сокровище и раскрыть гибель отца.

Скоро по всей России

«Даниловский» река надежды

Рассказы про чудеса любви! Про надежду и желание быть счастливой!

О том что любовь, всегда найдёт способ, чтобы двое обрели счастье и иногда показывая настоящие чудеса!

О том, что пройдя жизненные невзгоды, предательство и боль. Надеяться и получить настоящую любовь и смысл жизни.

Скоро по всей России